
НЕИСТОЩИМЫЙ КОШЕЛЕКЪ.
NЗДАНІЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

НЕИСТОЩИМЫЙ КОШЕЛЕКЪ.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Соч. Л. Ярцовой.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА,
въ Гостиномъ Дворѣ, № 18 и 19.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, Ноября 30 дня 1860 года.

Цензоръ *Е. Волковъ.*

Въ типографiи книгопродавца М. О. Вольфа.

НЕИСТОЩИМЫЙ КОШЕЛЕКЪ.

ПРОЛОГЪ.

Зимою, въ теплой, хорошо прибранной горницѣ, около круглаго стола, сидѣло небольшое семейство, мать съ двумя дочерьми и сыномъ; на столѣ горѣла большая фотогеновая лампа; мать и дѣвочьки занимались рукодѣльемъ, а мальчикъ, которому было не болѣе девяти лѣтъ, что-то вырѣзывалъ изъ бумаги.

— Маменька! сказалъ онъ вдругъ; на прошлой недѣлѣ, когда я былъ не-

здоровъ, нянюшка для забавы разсказывала мнѣ сказку, и знаете ли, такую чудесную, что я и теперь часто объ ней думаю.

— Вотъ какая удивительная сказка! Нельзя ли сообщить ее и намъ, дружокъ мой?

— Вы шутите, мамаша, а сказка-то точно удивительная; представьте, въ ней говорится, что какой-то старикъ волшебникъ подарилъ одному мальчику кошелекъ, да такой мудреный, что сколько бы онъ ни вынималъ изъ него копеечекъ, онѣ опять прибывали и потому называли его... какъ бишь? а! такое мудреное слово... да, *неистощимый* кошелекъ? Я знаю, что это неправда, какъ обыкновенно бываетъ въ сказкѣ; а между тѣмъ, мамаша, все думаю, какъ жаль, что

этого быть не можетъ на самомъ дѣлѣ: сколько бы хорошаго можно было сдѣлать.

— Конечно, дружокъ мой; но что ты разумѣешь подъ словомъ *хорошаго*?

— Мало ли что, милая маменька, напримѣръ, накупить бы игрушекъ, пряниковъ, орѣховъ, изюму, черносливу, конфектовъ и всякаго лакомства.

— Для того, что ты назвалъ, точно, дружокъ мой, нѣтъ и быть не можетъ такого кошелька.

— А развѣ для чего нибудь другаго онъ можетъ быть?

— Да, есть такія вещи, для которыхъ онъ бываетъ...

— Даже и не въ сказкѣ, мамаша, а на самомъ дѣлѣ?

— Да, на самомъ дѣлѣ.

— Ахъ! скажите же, миленькая мамаша, какія же это вещи и гдѣ его найти можно?

— Просто найти его нельзя, Николенька, а надобно пріобрѣсти стараніемъ. Но развѣ ты очень хочешь имѣть его?

— Очень, очень хочу, душенька моя мамаша.

— Зачѣмъ же? неужели такъ много любишь ты деньги?

— Нѣтъ, деньги-то мнѣ не очень нравятся, а только я очень люблю тѣ вещи, которыя можно купить на нихъ. Представьте, если бы у меня былъ такой кошелекъ, я бы тотчасъ вынулъ изъ него столько денегъ, чтобы купить деревянную лошадку, покрытую настоящею шерстью, съ сафьяннымъ сѣдломъ, и, главное, какъ сядешь на нее, да начнешь прижимать пружины, такъ она, словно живая, сама станетъ ходить по полу или по садовой дорогѣ, и можетъ бѣжать рысью или скакать галопомъ. Мы видѣли такую въ магазинѣ механическихъ вещей, да не купили затѣмъ, что больно дорога. Ну, вотъ, еслибы у васъ былъ такой кошелекъ, то, конечно, могли бы вынуть изъ него столько денегъ, сколько просилъ купецъ и подарили бы мнѣ эту механическую лошадку; тогда не объ чемъ бы и думать, потому что въ кошелькѣ тотчасъ прибыло бы столько же денегъ. Не правда-ли, мамаша, какъ бы это было весело?

— Хорошо, а потомъ что?

— Потомъ, я купилъ бы другую игрушку, какая бы мнѣ вздумалась;

послѣ того, покупалъ бы я лѣтомъ каждый день апельсиновъ, яблокъ, грушъ и, представьте же какъ весело, что въ кошелькѣ-то бы не убывало!

— А когда бы ты всего этого накупилъ, что бы сдѣлалъ?

— Я бы ихъ кушалъ.

— И только?

— Да, милая маменька; и чего же еще? за то я бы лакомился такъ каждый день.

— Ты и безъ такого кошелька, дружокъ мой, всегда имѣешь какое нибудь лакомство послѣ обѣда.

— Конечно, только всегда по немножку; одинъ апельсинъ, одно яблочко, нѣсколько вишень лѣтомъ, а теперь крошечку винограда или чернослива; между тѣмъ какъ тогда всего этого было бы у меня много! много!

— Однако ты не могъ бы все это скушать, а еслибы скушалъ, то занемогъ бы непремѣнно; занемочь же отъ объядѣнья лакомствами, это право, такъ стыдно!

— Да, милая маменька, я самъ знаю, и потому никогда не прошу больше, сколько вы мнѣ дадите; но, кажется, какъ бы было весело, еслибы я зналъ, что могу накупить всего, всего и не для себя одного: и вотъ, когда въ субботу придутъ изъ корпуса Миша и Вася, я бы ихъ сталъ подчивать.

— А послѣ чтожъ?

— Ничего, скушали бы все, да и только; а завтра я бы опять купилъ.

— Очень жаль, дружокъ мой, что у тебя такое неразумное желаніе.

— Отчего же неразумное? Миша и Вася, конечно, бы меня за это очень полюбили.

— Я думаю, они и такъ тебя любятъ.

— Конечно, они такіе добрые мальчики. Однако, если вамъ не нравится лакомство, то пожалуй, я бы каждый день сталъ покупать игрушки.

— Что же бы изъ этого вышло?

— Я бы забавлялся ими.

— И въ скоромъ времени онѣ бы тебѣ наскучили.

— Это правда, послѣ *елки*, когда у меня было очень много игрушекъ, то онѣ мнѣ скоро надоѣли.

— Вотъ видишь; слѣдовательно, не стоитъ для того желать неистощимаго кошелька! Чѣмъ больше лакомства, тѣмъ опаснѣе потому, что можешь занемочь, а что болѣе игрушекъ, тѣмъ скорѣе онѣ наскучатъ.

— Когда такъ, милая маменька, то пожалуй, я бы вынималъ изъ моего кошелька копеечку за копеечкой, пока бы набралъ столько, чтобы могъ вдругъ накупить множество новыхъ кафтанчиковъ всякаго цвѣта, и краснаго, и голубаго, и пестраго, и каждый день надѣвалъ бы новое платье. Не правдали, что вотъ для этого стоитъ имѣть такой кошелекъ?

— Нѣтъ, дружокъ мой, и для этого не стоитъ; да и по свойству своему, для тряпокъ, какъ бы онѣ хороши не были, такого кошелька быть не можетъ.

— Этого я не понимаю! однако вы сказали, мамаша, что для чего-то другаго, онъ бываетъ и теперь....

Чему же вы смѣетесь, Соня и Варя? Вы сами навѣрное не знаете къ чему онъ пригоденъ, — продолжалъ Николенька, обратясь къ старшимъ сестрамъ, которыя, сидя за работою, усмѣхались, слушая его разсужденіе.

— Скажите же сами, мамаша, что бы вы купили на такія волшебныя деньги?

— Ужъ конечно, не игрушки и не лакомство, подхватила Сонечька.

— Да, отъ того, что вы ужъ почти большія; однако что бы напримѣръ?

— Я бы каждый день покупала новую книгу, отвѣчала Сонечька.

— А ты, Варенька?

— Я бы накупила множество ящичковъ съ красками всякаго сорта, лучшей бумаги, карандашей, картинокъ всякаго рода, и рисовала бы съ утра до вечера.

— Для того, что онѣ сказали, можетъ быть у нихъ такой кошелекъ, милая мамаша?

— Нѣтъ, дружокъ мой, и у нихъ никогда бы его не было.

— Вотъ какъ! Слышите, мои милыя сестрицы? Для чегожъ бы онъ могъ быть, этотъ чудесный кошелекъ?

— Я вамъ докажу, друзья мои, что не только въ желаніи Николеньки покупать лакомство, но даже и въ сказанномъ Соней и Варей нѣтъ его, потому-что названіе *неистощимый* обозначаетъ уже безконечную пользу. А вы сами согласитесь, что покупать каждый день новую книгу, значитъ: не читать ни одной!, и тогда разумѣется даже и книги обратятся въ безполезныя вещи; а что безполезно, то непрочно и непродолжитель-

но. — Потомъ покупать множество карандашей, бумаги, рисунковъ, тоже самое: ни одной картинки не успѣешь нарисовать хорошенько и отъ такого множества ненужныхъ матеріяловъ, что называется, разбѣгутся глаза и можешь совершенно потерять весь рисовальный талантъ, данный Богомъ. Все это навѣрное опротивитъ и обратится въ безполезныя вещи; гдѣ же тогда неистощимая, то-есть непрерывная, выгода чудеснаго кошелька? ея нѣтъ при этомъ. — Но если вы непремѣнно желаете, друзья мои, добраться до того, что это такое, то я предложу вамъ одно средство: положите какой нибудь срокъ, вотъ хотя до будущаго воскресенья. Сегодня понедѣльникъ, слѣдовательно цѣлыхъ шесть дней остается на размышленіе.

Давайте думать, и всѣ четверо: я, Соня, Варя и ты, Николенька, подумаемъ про себя — что можетъ въ этомъ непрочномъ мірѣ продолжаться всегда и не истратится вѣчно? И, сообразивъ хорошенько, напишемъ каждый свое мнѣніе на этотъ счетъ и постараемся представить тому примѣръ, въ видѣ небольшой повѣсти, какъ бы объ исполнившемся уже происшествіи, которое и должно доказать возможность существованія неистощимаго кошелька, не въ сказкѣ, а на самомъ дѣлѣ.

— О! какая трудная задача! Это мудренѣе таблицы умноженія! воскликнулъ Николенька.

— Да признаюсь, милая маменька, и мнѣ становится страшно! Какъ бы не ударить лицемъ въ грязь, сказала Соня.

— Точно, если даже и принадлежности рисованья, моего любимаго занятія, недостойны этого чуднаго кошелька, то уже не знаю что и придумать. Очень трудную предложили вы намъ задачу, милая маменька! Врядъ ли кто нибудь изъ насъ ее выполнитъ.

— Постарайтесь, друзья мои, срокъ еще длиненъ; авось кто нибудь и попадетъ на правду.

— Разумѣется, вы мамаша останетесь побѣдительницей, а мы, я чувствую, напишемъ много вздору, сказала Соня.

— Особливо я, прибавилъ Николенька; вотъ, я думаю, будетъ отличное сочиненіе, тогда какъ я едва писать начинаю учиться, да и то на большой классной доскѣ.

— Кому какъ удастся, милыя дѣти, а попробовать не дурно, по пословицѣ, что: худой тотъ солдатъ, который не надѣется быть фельдмаршаломъ.

— О! я хочу такъ называться! вскрикнулъ Николенька; съ какимъ громкимъ барабаннымъ боемъ, съ трубами и литаврами, будутъ встрѣчать меня, когда я вздумаю сдѣлать торжественный въѣздъ въ побѣжденный городъ!...Да, очень весело быть фельдмаршаломъ!.... Сейчасъ побѣгу въ мою учебную горницу, возьму цѣлый листъ бѣлой бумаги и какъ большой, настоящій сочинитель, сяду писать... Только вотъ бѣда! скоро-то писать я еще не умѣю, а вѣдь, говорятъ, сочинители-то скоро пишутъ.

— Почему ты знаешь, что скоро? можетъ быть и нѣтъ? спросила Варенька.

— Навѣрное скоро, потому что они, ни съ чего не списываютъ, какъ я напримѣръ съ заданнаго урока; а пишутъ то, что у нихъ въ головѣ...

— Стало быть они списываютъ свои мысли.

— Да, а вотъ это-то и скоро дѣлается... Я читалъ въ моей учебной книгѣ, что ничего нѣтъ скорѣе мысли.

— А! такъ вотъ откуда ты это взялъ?

— Конечно! на что же и учебныя книги? Ихъ для того и велятъ намъ читать, чтобы мы замѣчали и помнили что тамъ написано.

— Справедливо, Николенька, сказала Соничька; однако я думаю, что не всѣ

сочинители пишутъ скоро; иной и долго сидитъ надъ тѣмъ, чтобы выдумать что нибудь.

— Ну! ужь это плохой сочинитель! я не хочу быть такимъ.

— Вотъ какъ! посмотримъ, какъ-то ты скоро справишься съ маменькиной задачей?

— А чтожъ? я бѣгомъ пущусь въ мою учебную, проворно отыщу листъ бумаги и въ ту же минуту напишу на немъ: *Неистощимый кошелекъ*.

— Хорошо, но это еще только заглавіе, а тамъ что?

— А тамъ... тамъ подумаю, авось что нибудь и выдумаю; не такъ ли, милая маменька?

— Отчего же не такъ, дружокъ мой? Никогда не надобно терять присутствія духа; а напротивъ стараться

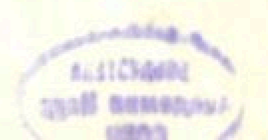

употреблять свои способности. Кто ничего не начинаетъ, тотъ никогда и не сдѣлаетъ ничего.—Однако мы такъ заговорились, что не только Николенькѣ, но и всѣмъ намъ пора спать; скоро уже будетъ двѣнадцатый часъ. А кто встаетъ въ семь, тому пора ложиться. Завтра, дастъ Богъ, придетъ день, и какъ говорится, что утро вечера мудренѣе, то мы и примемся всѣ думать про себя, въ чемъ можетъ быть неистощимый кошелекъ, а потомъ и сочинять небольшую исторійку на этотъ счетъ. Настоящее происшествіе, или вымыселъ, какъ кому придется. Простите, друзья мои.

Тутъ дѣти, поцѣловавъ ручку своей маменьки, разошлись по комнатамъ и предались покойному сну.

а) РАЗСУЖДЕНІЕ НИКОЛЕНЬКИ:

О НЕИСТОЩИМОМЪ КОШЕЛЬКѢ.

Когда ни для игрушекъ, ни для лакомства, ни для новыхъ кафтанчиковъ, не нужно неистощимаго кошелька, то для чего же и въ чемъ же онъ быть можетъ? Дай, подумаю хорошенько. Маменька сказала, что продолжительнаго удовольствія нѣтъ ни въ чемъ этомъ; отъ перваго сдѣлаешься боленъ, какъ я на той недѣлѣ, покушавъ слишкомъ много меду и огурцовъ, а послѣдніе надоѣдятъ, если ихъ много; то конечно, зачѣмъ тутъ неистощимый кошелекъ? Можно вынуть немного денегъ и изъ обыкновеннаго кошелька, испить сладенькаго немножко, покушать, и полно... Да! для лакомства совсѣмъ онъ не нуженъ; даже и для

новыхъ кафтанчиковъ; это еще скорѣе наскучитъ; я люблю мою старую бархатную курточку, она такъ мнѣ въ пору; на что же другую, третью, четвертую? Это пустяки! Да, конечно, и тутъ некстати чудный нашъ кошелекъ. Маменька сказала, что онъ можетъ быть только тамъ, гдѣ есть настоящая польза... Однако и книги Сонечкины и карандаши Варенькины на то не годились!... Что же бы это было? Вотъ мудреная задача! Что такое можно покупать каждый день, и что будетъ полезно и никогда не наскучитъ?

Николенька облокотился на столъ и долго сидѣлъ въ раздумьи; наконецъ вдругъ вскрикнулъ: «А! вотъ что! теперь понимаю!»

При такой счастливой мысли, Николенька спрыгнулъ со стула, бумага

его упала подъ столъ, перо отлетѣло еще дальше. Онъ громко повторялъ: «Понимаю! понимаю!»

— Если понялъ, то пиши на то доказательство, маленькую повѣсть, послышался голосъ матери, которая, проходя мимо его горницы, услышала его возгласъ.

— Я теперь только догадался, милая маменька! закричалъ еще громче маленькій сочинитель, и сейчасъ напишу вамъ свои мысли, говорилъ проворный мальчикъ, догоняя бѣгомъ свою маменьку.

— Успокойся, другъ мой! садись и пиши, сочинители не бѣгаютъ по корридорамъ, а иногда на лету ловятъ свои мысли, потому что онѣ быстро измѣняются, и тогда трудно бываетъ припомнить даже и самую лучшую.

Сказавъ это, маменька ушла за своимъ дѣломъ, я Николенька, возвратясь, досталъ изъ подъ стола свою бумагу, отыскалъ перо въ другомъ углу комнаты и преважно сѣлъ писать снова.

ѣ) ПОВѢСТЬ О НЕИСТОЩИМОМЪ КОШЕЛЬКѢ.

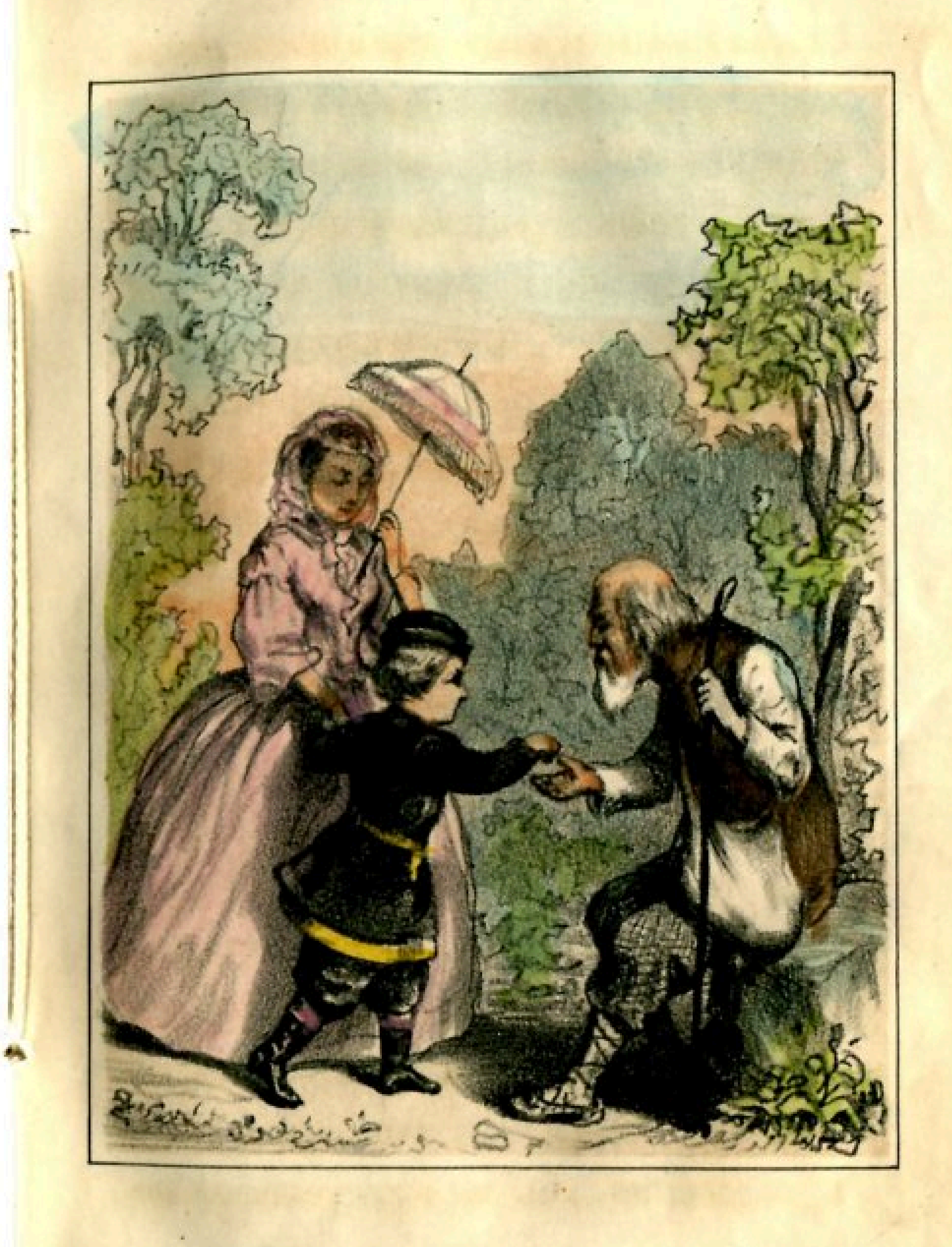
Сказка няни такъ начинается: «въ нѣвкоторомъ царствѣ, въ нѣвкоторомъ государствѣ, за моремъ за океаномъ, жилъ былъ такой мальчикъ, которому старичекъ волшебникъ подарилъ неистощимый кошелекъ, то есть сколько бы ни вынималъ онъ изъ него денегъ, онѣ опять прибывали. И вотъ этотъ умненькій мальчикъ вынулъ первую копеечку ни для чего инаго, какъ для того, чтобы подать нищему, такъ

по крайней мѣрѣ говорится въ сказкѣ. Вотъ я и разсуждаю — стало быть, этотъ мальчикъ сдѣлалъ доброе дѣло? Вотъ, разумѣется, копеечка-то его и прибыла, то есть удвоилась, потому что онъ не одинъ ею пользовался, и нищенька также»... О! я теперь совершенно понялъ! — И такъ станемъ сочинять повѣсть объ этомъ:

Жилъ, былъ хорошенькій, миленькій мальчикъ, и пуще всего очень добренькій. За то не волшебникъ, котораго не бываетъ на свѣтѣ, а Богъ послалъ ему такую находку, что чудо изъ чудесъ, потому что на добрыя дѣла всегда наставляетъ самъ Господь. — Вотъ этотъ мальчикъ, назовемъ его хоть Сереженькой, однажды получилъ отъ своей маменьки подарокъ въ именины, два рубля серебромъ. Что же онъ

сдѣлалъ? Попросилъ размѣнять ихъ, и первую копеечку подалъ нищему, копеечка прибыла, какъ я уже написалъ выше, то есть онъ почувствовалъ двойное удовольствіе, свое и нищенькаго; это показалось ему такъ пріятно, что онъ и другую копеечку подалъ также какому-то сироткѣ; вотъ у него уже вчетверо прибыло копеечекъ, то есть радости, потому что онъ самъ радовался въ другой разъ, и два нищенки радовались съ нимъ вмѣстѣ; слѣдовательно по таблицѣ умноженія, которую я наконецъ вытвердилъ, выходитъ: что дважды два дѣлаютъ четыре, и поэтому, Сереженька радовался въ четыре раза больше. Это самое подаяніе такъ ему понравилось, что онъ не захотѣлъ уже покупать ни игрушекъ, ни ла-

комства, а всѣ свои деньги берегъ для нищихъ и раздавалъ ихъ. Во сколько же разъ прибывала и умножалась его радость? этого я уже и сосчитать не умѣю! Въ каждомъ цѣлковомъ сто копеекъ серебряныхъ, и еще все это надобно считать вдвое и вчетверо, потому что онъ радовался не одинъ, а съ нищими вмѣстѣ... О! конечно, такой радости не было конца и, разумѣется, чѣмъ болѣе раздавалъ копеечекъ Сережа, тѣмъ болѣе прибывало его удовольствіе, а къ тому же еще, какъ всегда Богъ награждаетъ за добрыя дѣла, то и можно сказать, что у Сереженьки былъ неистощимый кошелекъ! Чѣмъ долѣе жилъ милый Сережа, тѣмъ болѣе дѣлалъ добра и оттого ему было всегда такъ весело! такъ весело,

что никакія игрушки и никакое лакомство этого бы не сдѣлали; а когда проживетъ онъ долго, долго, выростетъ большой, потомъ сдѣлается старенькой и Богъ велитъ ему кончить жизнь, тогда онъ и умретъ, съ тою же радостію, потому что Богъ за его добрыя дѣла пришлетъ къ нему святыхъ своихъ Ангеловъ и они понесутъ его, на золотыхъ своихъ крылышкахъ, въ пресвѣтлый рай!—Послѣ этого уже кажется нечего писать далѣе, а потому здѣсь и конецъ моей сказкѣ, или лучше сказать повѣсти, потому что все это можетъ случиться и на самомъ дѣлѣ. Желаю, чтобы она понравилась милой маменькѣ и сестрицамъ. А сочинилъ ее Николенька, ежели не очень миленькій, то еще маленькій мальчикъ.

с) Разсужденіе Сонички:

о неистощимомъ кошелькѣ.

———

Почему-бы книги не были достойны того, чтобы ими заслужить неистощимый кошелекъ? Я понимаю, что маменька разумѣетъ подъ этимъ что-нибудь полезное; но что же можетъ быть полезнѣе книгъ? Хотя конечно, если каждый день покупать новую книгу, то не прочтешь ни одной, и въ такомъ случаѣ, всѣ онѣ будутъ совершенно безполезны; тогда, разумѣется, и для нихъ не нужно имѣть неистощимаго кошелька.

Однако, сколько не думай, а мнѣ кажется, что самое полезнѣйшее на свѣтѣ — книги. И можетъ ли быть иначе, когда не только пріятно, но даже необходимо должны мы знані-

емъ просвѣщать умъ и возвышать душу нравственнымъ, религіознымъ направленіемъ; все это могутъ доставить намъ хорошія книги; какъ-же онѣ не заслуживаютъ того, чтобы для ихъ пріобрѣтенія желать неистощимаго кошелька? Развѣ только потому, что и безъ него, можно достать такую книгу, которая и одна принесетъ гораздо больше пользы, нежели покупаемыя каждый день? Точно, это была глупая мысль! И при этомъ не только не нуженъ, даже вреденъ, неистощимый кошелекъ. Но въ чемъ же онъ состоитъ? Конечно въ томъ, что можетъ имѣть продолжительную пользу; что же бы это было такое? Посредствомъ книгъ можно научиться, просвѣтить свой умъ, сдѣлаться ученымъ; пожалуй, хоть учить другихъ, вотъ

уже и двойная польза. Да, но только ученые рѣдко занимаются тѣмъ, чтобы передавать свое знаніе другимъ, такъ просто, безъ денегъ; а по большой части или требуютъ дорогую плату, или оставляютъ знаніе свое при себѣ и еще гордятся этимъ передъ другими; вотъ это ужь очень дурно, и потому, конечно, не стоитъ того чудеснаго кошелька. Да! безспорно одна продолжительная, не въ гордости, а въ смиреніи исполняемая добродѣтель, полезная себѣ и другимъ, можетъ намъ доставить этотъ неистощимый кошелекъ и сдѣлать истинно счастливымъ того, кто имъ обладаетъ.

а) ПОВѢСТЬ ДЛЯ ПРИМѢРА.

Лиза была дочь очень бѣднаго дворянина, который, имѣя небольшой чинъ, служилъ Царю вѣрою и правдою; но по своему званію имѣлъ очень незначительное жалованье, котораго едва доставало на содержаніе его семейства; жена его умерла и онъ остался съ пятерыми дѣтьми; старшей его дочери недавно исполнилось 14 лѣтъ, прочія сестры и братья очень отъ нее отстали, такъ что второй его дочери Анютѣ было только 9; третьей Машѣ 8, сыну Васѣ пять, а меньшому, Ванѣ, только два года. Старшая сестра Лиза замѣняла имъ и мать, и хозяйку въ домѣ. Отецъ до того былъ обремененъ дѣлами по службѣ, что

только вечеромъ имѣлъ нѣсколько часовъ, чтобы заняться своей семьею, потому, все попеченіе, всѣ заботы о дѣтяхъ и домѣ лежали на одной Лизѣ, которая и сама была еще полуребенокъ; но горе и нужда скоро развили въ ней тѣ способности, которыя пріобрѣтаются опытомъ и лѣтами; къ тому же и Богъ надѣлилъ ее такимъ благоразуміемъ, что она могла все это исполнить. Она чрезвычайно любила читать; книга составляла для нея первое удовольствіе, но будучи въ такой бѣдности, разумѣется, не могла, не только каждый день, покупать книгъ, какъ я очень глупо придумала, но у нея никогда не оставалось столько денегъ, чтобы хотя изрѣдка достать себѣ хорошую книгу, а между-тѣмъ, желаніе просвѣтить свой умъ усили-

валось въ ней болѣе и болѣе; да къ тому, безпрестанно заботясь объ меньшихъ своихъ сестрахъ и братьяхъ, она понимала, что надобно учить ихъ; нанимать учителей, были они не въ состоянiи, и слѣдовательно, ей же должно было замѣнить ихъ; но какъ же учить другихъ, не будучи сама ученою?—Такъ думала Лиза и сокрушалась объ этомъ день и ночь. Однако она принялась за ту помощь, которая неизмѣнна: стала молиться объ этомъ Богу,—и скоро была услышана. Вотъ какъ это произошло: когда наступила весна, дни сдѣлались свѣтлые и долгiе, погода прекрасная; маленькie ея сестры и братья стали скучать въ тѣсной ихъ квартиркѣ, имъ хотѣлось выскочить на улицу, побѣгать на зеленой травкѣ; они стали проситься гу-

лять въ поле и часто горько плакали объ этомъ; не имѣя возможности исполнить ихъ желанie, столь полезное и даже необходимое для здоровья малютокъ, Лиза сама готова была плакать и утѣшала ихъ только тѣмъ, что каждый день, когда выдавался ей свободный часъ отъ хозяйскихъ занятiй, выводила ихъ на улицу и ходила съ ними взадъ и впередъ по тротуару подлѣ дома, гдѣ они жили; но жалкое было то гулянье: пыль отъ проѣзжающихъ экипажей и духота тѣсной улицы, или лучше узкаго переулка, гдѣ стѣны высокихъ, каменныхъ домовъ, нагрѣваемые лучами лѣтняго солнца представляли нѣчто, въ родѣ натопленной печи; слѣдовательно немного отрады и пользы здоровью доставляла такая прогул-

ка. Все это чрезмѣрно сокрушало Лизу.

Между-тѣмъ, во время этихъ прогулокъ, стала она замѣчать, что когда подходила она съ своими ребятками къ послѣднему углу дома и поворачивала обратно, то всегда открывалось окно въ нижнемъ этажѣ, и старичокъ очень почтенной наружности, выглядывая изъ него, очень пристально смотрѣлъ на нихъ. Дѣти, пріученныя Лизою, быть учтивыми, остановясь, всегда кланялись ему и онъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же, прибавляя какое-нибудь ласковое привѣтствіе: «Здравствуйте, милыя дѣти; добрый день, мои душеньки, гуляйте весело!» и прочее тому подобное.

Такъ было нѣсколько разъ, и въ одно утро, старичекъ вышелъ къ нимъ

на улицу, и отвѣтивъ на учтивый поклонъ Лизы и ея товарищей, подошелъ къ ней и сталъ спрашивать: чьи это дѣти? Когда же она назвала фамилію отца своего и сказала, что это ея родные братья и сестры, то онъ сказалъ: «А! знаю, батюшка вашъ нанимаетъ небольшую квартирку въ этомъ домѣ, не такъ ли?» — Точно такъ, отвѣчала Лиза. — «Но я думаю, вамъ очень тѣсно, съ такою семьею, въ двухъ небольшихъ комнаткахъ?»

— Конечно, сударь, мы живемъ не широко, отвѣчала Лиза, но что же дѣлать? Батюшка получаетъ такое маленькое жалованье, что и за эту квартирку, едва достаетъ средства выплачивать.

— «Я не могу надивиться, продолжалъ старикъ, что вы избрали такое

жалкое гулянье по тротуару и въ этой несносной пыли.»

— Къ этому заставляетъ насъ необходимость; надобно дѣтей выводить на воздухъ, для ихъ здоровья; а я еще слишкомъ молода и не смѣю идти съ ними куда-нибудь подальше; вотъ и ходимъ здѣсь взадъ и впередъ.

— «Вамъ бы хорошо съѣздить иногда за городъ, къ кому-нибудь на дачу....

— О! да, правду вы говорите, сударь! хорошо бы побѣгать по зеленой травкѣ, воскликнули дѣти.

— «За чѣмъ же дѣло стало?»

— За тѣмъ, добрый господинъ, что у папеньки нѣтъ столько денегъ, чтобы нанимать дачу, сказалъ бойкій Васенька.

— «Не нужно нанимать, возразилъ

старикъ; вы можете ѣздить ко мнѣ на дачу.»

— Нельзя, добрый дѣдушка, сказала меньшая изъ дѣвочекъ, Маша; у насъ нѣтъ лошадки.

— «Я буду присылать за вами карету....»

— Ахъ! добрый, милый, дорогой дѣдушка! закричали всѣ дѣти внѣ себя отъ радости и кинулись цѣловать его руки.

— «Хорошо, хорошо, мои душеньки, твердилъ старикъ; но прежде надобно спросить вашу старшую сестрицу: согласна ли она привозить васъ ко мнѣ на дачу?»

— Какъ не быть согласной на такое милостивое предложеніе, благодѣтель нашъ! отвѣчала Лиза, и батюшка мой, утомленный трудами, можетъ та-

кимъ образомъ, побывать иногда на чистомъ воздухѣ; я готова оставаться дома, только-бы ему и дѣтямъ доставить это превосходное отдохновеніе.

— «Будетъ и вамъ мѣсто у меня на дачѣ, добрая дѣвушка, достойная всякаго уваженія, сказалъ старикъ; очень радъ такимъ милымъ гостямъ, и потому въ первое воскресенье, послѣ обѣдни, будетъ у васъ на дворѣ четырехмѣстная наемная карета, которая безъ всякой платы, повезетъ васъ на Петербургскую сторону, гдѣ находится моя дача; я и самъ бываю тамъ только субботу и воскресенье, будучи занятъ на службѣ. Но тамъ живутъ старушка жена моя и внучка вашихъ лѣтъ; имъ очень будетъ пріятно познакомиться съ вами.»

Выслушавъ такое пріятное предло-

женіе незнакомаго старичка, Лиза собрала все свое краснорѣчіе, чтобы отблагодарить его; но и самая нескладная рѣчь въ устахъ этой милой дѣвушки, тронула-бы этого добраго человѣка, потому что она говорила съ чувствомъ истинной благодарности.

Такъ было положено; старикъ раскланялся и ушелъ къ себѣ, а гуляющіе наши спѣшили также домой, чтобы сообщить отцу такое неожиданное счастіе.

Отецъ, разумѣется, былъ также очень этимъ доволенъ и пошелъ благодарить добраго старика; разспрашивая какъ пройти къ нему, онъ узналъ, что благодѣтель ихъ былъ самъ хозяинъ того дома, гдѣ нанимали они квартиру. Современемъ, узнавъ ихъ покороче, отдѣлилъ онъ имъ еще двѣ

комнаты и упросилъ ихъ жить у него даромъ, будучи самъ очень богатый человѣкъ.

Между тѣмъ Лиза и дѣти съ нетерпѣніемъ ожидали перваго воскресенья; наконецъ оно наступило и вся семья, возвратясь отъ обѣдни, увидѣла на дворѣ обѣщанную карету; радость ихъ была неизобразима! Лиза спѣшила переодѣть малютокъ въ другія, болѣе нарядныя платья; хотя и эти были изъ простаго коленкора, но очень чисты и хорошо разглажены; а надѣтыя на нихъ съ утра уже поизмялись. Всѣ шестеро помѣстились они въ большую карету и наятой кучеръ привезъ ихъ на дачу къ господину Добромилову, которая находилась недалеко отъ Аптекарскаго острова и Ботаническаго сада,

что еще болѣе обрадовало Лизу; она страстно любила цвѣты и всякія растенія; природа восхищала ея поэтическую душу.

Можно себѣ представить, что истинно добрые люди, какъ хозяинъ, такъ жена и дочь его, встрѣтили новыхъ гостей очень ласково, тотчасъ познакомились и весело пошли гулять по обширной дачѣ.

Сашенька, внука хозяина, была дѣвушка лѣтъ пятнадцати, хорошенькая собою, добрая и ласковая. Дѣдушка ея, будучи очень ученый человѣкъ, и имѣя хорошее состояніе, воспитывалъ внуку свою какъ возможно лучше. У нея были разные учители, которые приходили по часамъ. Бабушка ея, очень умная женщина, пріучала ее къ хозяйству, къ

занятію всякаго рода женскими рукодѣльями; а главное наставляла ее быть скромною, богобоязливою и доброю дѣвушкой. Такой взглядъ на жизнь, совершенно согласный съ мнѣніемъ отца Лизы, скоро сдѣлалъ старшихъ самыми короткими пріятелями; а Лиза и Саша подружились во всей силѣ этого слова; обѣ скромныя, трудолюбивыя и добрыя дѣвушки, только Саша была отлично образована, а Лиза кромѣ русской грамоты ничего не знала; но всегдашнее ея желаніе научиться чему нибудь было столь сильно, что теперь небольшаго труда стоило новой ея пріятельницѣ мало-по-малу передать ей свое знаніе. Лиза быстро все понимала, и въ скоромъ времени могла уже и сама учить сестеръ и братьевъ своихъ.

Такимъ образомъ, они выростали уже хорошо воспитанными дѣтьми и каждый день становились лучшими, благодаря старанію старшей сестры своей, которая часто, не имѣя времени днемъ, проводила ночи, занимаясь своими уроками. Также и всякаго рода рукодѣлью научилась она очень скоро у милой своей Саши.

Въ то время было въ модѣ у всѣхъ барышень дѣлать искусственные цвѣты. Къ Сашѣ приходила цвѣточница и учила ее этому искусству. Лиза, присутствуя при этихъ урокахъ, помогала Сашѣ выбивать листочки, обвивать шелкомъ корешки и вѣточки и въ скоромъ времени такъ отлично начала дѣлать цвѣты, что превзошла ихъ учительницу, потому что та машинально ихъ дѣлала, а Лиза согласо-

валась съ природою, снимая копію съ живыхъ цвѣтовъ. Въ скоромъ времени, привила она и Сашѣ страсть свою къ растеніямъ, и лучшее для нихъ гулянье было въ Ботаническій садъ, гдѣ наслаждались онѣ разсматриваніемъ и красотою какъ южныхъ тропическихъ растеній, такъ и нашей сѣверной Флоры. И точно, уже стали дѣлать такіе цвѣты, что не уступали они лучшимъ парижскимъ. Лиза въ этомъ искусствѣ точно была неподражаема.

Дѣдушка и бабушка Саши, у которой не было родителей, которыхъ она лишилась при рожденіи, восхищались произведеніями Лизы и наконецъ придумали, что это можетъ быть ей очень полезно. Одно только затрудняло Лизу, это то, что принадлежа-

щіе къ тому инструменты, колечки, вырѣзки и прочее были очень дороги. Но добрые старички удалили и это препятствіе: купивъ все что нужно, подарили ей и имѣя въ виду, дать бѣдной дѣвушкѣ способы къ безбѣдному существованію, устроили для нея мастерскую искусственныхъ цвѣтовъ, и трудолюбивая дѣвушка работала съ помощію маленькихъ сестеръ и братьевъ, которые помогали ей выбивать листочки и дѣлать другія приготовленія. Такимъ образомъ, въ скоромъ времени, могла она уже продавать цвѣты свои; сначала поставляла она ихъ въ Гостинный дворъ на шляпки и чепчики незатѣйнаго разбора, потомъ стали брать у нея цвѣты и въ богатые магазины, такъ что уже, не успѣвая дѣлать сама, Лиза рѣшилась на-

бирать себѣ въ помощь дѣвочекъ и завести настоящую цвѣточную мастерскую. Сначала принимала она дѣвочекъ въ ученье, съ платою, отъ богатыхъ господъ; а потомъ могла уже по своей доброй душѣ, брать и даромъ бѣдныхъ сиротокъ, и тѣмъ доставляла такое же благодѣяніе со временемъ, когда научась могли и онѣ доставать себѣ хлѣбъ трудами своими.

Надобно открыть главную тайну, скрываемую Лизой, именно ту, отъ которой все ей удавалось. Будучи еще ребенкомъ, отъ всего, что ей изрѣдка дарилъ отецъ на платье или на что другое, добрая дѣвушка всегда отдѣляла иногда десять, двадцать и до пятидесяти копеекъ и раздавала ихъ истиннымъ нищимъ, и видимо Богъ помогалъ ей въ этомъ;

именно какъ скоро опредѣленныя на то копеечки выходили, она получала какую-нибудь нечаянную прибыль: или удачно продавалась ея работа, сперва чулки, которые вязала она въ свободные часы, потомъ выучилась шить и платья для незатѣйныхъ давальщицъ; тогда тотчасъ отдѣлялось снова нѣсколько копеекъ на нищихъ, и выходило такъ, что бѣдный, тщетно просившій подъ окномъ богатыхъ постояльцевъ того дома, гдѣ они жили, приблизясь къ ея форточкѣ, непремѣнно получалъ копеечку или хотя кусочекъ хлѣба, иногда же хотя одно ласковое слово: приди, дружокъ, черезъ нѣсколько дней, теперь нѣтъ ничего; но это рѣдко случалось, а по большей части ни одинъ не уходилъ даромъ. И вотъ что обратило

вниманіе на Лизу, хозяина дома. Этотъ добрый старикъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что самая бѣднѣйшая изъ его постояльцевъ никогда не отпускала нищаго даромъ и это тронуло его добрую душу. Когда же пришло лѣто, то прогулки съ дѣтьми по троттуару дали ему случай, познакомиться съ этою милой дѣвушкою, и добродѣтельный старикъ сталъ выискивать способы помогать ей и всему ея семейству, какъ мы уже и видѣли.

По мѣрѣ того, какъ Лизѣ становилось жить легче, она болѣе стала отдѣлять на нищихъ и чѣмъ болѣе прибывало у нея денегъ, тѣмъ болѣе она ихъ раздавала. За это, конечно, благословлялъ ее Богъ: ей все удавалось.

Такимъ образомъ, можно сказать

что у Лизы вначалѣ и долго еще послѣ не болѣе было одной копеечки въ кошелькѣ, но которая не пропадала, и какъ скоро она употребляла ее на доброе дѣло, то копеечка снова являлась на томъ же мѣстѣ, выработанная удачно и еще въ большемъ количествѣ!

Однимъ словомъ, одна добродѣтель, положенная въ умственный кошелекъ Лизы, вела за собою другую, эта третью, четвертую и такъ далѣе до того, что Лиза сдѣлалась обладательницею такихъ сокровищъ, которыя никогда не издерживаются, а все прибываютъ.

Не правда ли, что у Лизы былъ *неистощимый кошелекъ*?

е) РАЗСУЖДЕНІЕ ВАРЕНЬКИ.

Да, это правда, если не только каждый день, но и довольно часто, покупать все, что нужно для рисованья, тогда и самыя картины не принесутъ пользы; конечно потеряешься въ такомъ множествѣ рисунковъ, какъ бываетъ съ нами, когда выбираемъ мы узоры въ лавкахъ: именно что называется «разбѣгаются глаза» и не знаешь, который выбрать; а картины еще болѣе! Надо вникнуть хорошенько и разсмотрѣть всѣ красоты искусства, безъ того не будешь знать, какой оригиналъ взять для рисованья и какому живописцу подражать въ накладываніи тѣней и красокъ; да! и при этомъ не нужно

неистощимаго кошелька! — У кого есть, не говорю уже большой талантъ, но даже если и одна только охота и непремѣнное желаніе имѣть успѣхъ въ этомъ очаровательномъ искусствѣ, тому не нужно безчисленное множество карандашей и красокъ; тотъ и съ однимъ карандашемъ и съ одною кистью сдѣлаетъ много, и далеко уйдетъ отъ того, кто, накупивъ множество подобныхъ вещей, не имѣя прилежанія, не дѣлаетъ ничего. —Справедливо смѣялась маменька надъ моимъ и Сонечькинымъ желаніемъ, покупать каждый день новыя книги и новые рисунки; понимаю, что это было сказано безъ всякаго разсужденія. Но къ чему же можетъ служить неистощимый кошелекъ? — Къ тому, что приноситъ

истинную пользу, сказала мамаша.— Талантъ въ живописи, разумѣется, не изъ числа безполезныхъ занятій—это неоспоримо! — Однако надобно доказать, что моя любезная живопись можетъ доставить этотъ чудный кошелекъ. Подумаю хорошенько, и даже прежде нежели писать заглавіе, какъ сбирался Николенька, переберу въ мысляхъ, какимъ бы образомъ могло это исполниться? По словамъ маменьки и по собственному теперь моему разсужденію, я понимаю, что неистощимый кошелекъ означаетъ не то, чтобы деньги, вынимаемыя изъ него, никогда не убывали; это хорошо въ сказкѣ, а въ дѣйствительности тутъ подразумѣвается другое, болѣе возвышенное! Да, одна только продолжительная польза для себя и другихъ,

можетъ олицетворить этотъ чудный кошелекъ. Посмотримъ, можетъ ли произойти что нибудь подобное отъ живописи?

Конечно, быть великимъ живописцемъ, писать подобно Рафаэлю, картины, образа, особливо послѣдніе, гдѣ искусство должно достигнуть того совершенства, чтобы вещественными красками изображать невещественныя красоты жителей другаго духовнаго міра! Разумѣется, достигнуть сколько можетъ наша земная натура въ своей грубой, еще тѣлесной оболочкѣ; постигнуть воображеніемъ то, что сокрыто отъ глазъ нашихъ; и передавъ мертвому полотну, рукою смертнаго человѣка оживить въ краскахъ то, что никогда не умираетъ! О! это великая доля для человѣка, столь

недолговѣчнаго на землѣ; посредствомъ земнаго искусства, развить въ себѣ неземное сочувствіе къ другому, лучшему и непостижимому для меня міру! Да! живопись есть даръ неоцѣненный ничѣмъ, даръ неба, данный бренному человѣку! Или оставимъ Рафаэля; зачѣмъ намъ искать уподобленій столь далеко, когда у насъ въ Россіи жилъ свой безсмертный Рафаэль,—именно Карлъ Брюлловъ!... Великое дѣло было бы, подобно нашему великому Брюллову достигнуть той высоты, чтобы изобразить на полотнѣ предсмертныя страданія на крестѣ Богочеловѣка; представить изнеможеніе нашего бреннаго состава, взятаго Имъ на Себя, и тутъ же явить все могущество Божественнаго безсмертія въ Его открытомъ взорѣ въ

то время, когда самое солнце готово угаснуть, не въ силахъ будучи вынесть столь великой жертвы, совершившейся на землѣ! Да, велико, неоцѣненно и можно сказать свято, подобное искусство, вложенное Богомъ въ душу художника!

Но и притомъ, если, оставивъ подобныхъ великихъ геніевъ живописи; которые родятся вѣками, спустимся пониже; какъ напримѣръ, имѣть талантъ схватывать сходство, писать портреты и посредствомъ карандаша или красокъ, сохранить черты, милыя для нашего сердца, отца, матери, братьевъ, сестеръ, друзей? — И въ этомъ живопись, конечно, имѣетъ много преимуществъ передъ другими искусствами.

Или бы напримѣръ умѣть изобра-

зить въ картинѣ красоту природы, представить ту незабвенную мѣстность, гдѣ протекли лучшіе годы нашей жизни.

Но и еще есть отрасль этого чуднаго искусства, чрезвычайно важная: какъ, напримѣръ, увѣковѣчить на полотнѣ, знаменитые подвиги какого-нибудь героя древности и новѣйшихъ временъ, или оживить для потомства добродѣтельныя дѣла Великаго Государя, друга человѣчества, какъ то есть быть историческимъ живописцемъ? О! и это великое наслажденіе, потому что, изображая знаменитые подвиги мужей и женъ историческихъ, какъ бы самъ участвуешь въ нихъ и чрезъ это, конечно, какъ бы ставишь себя на равной высотѣ съ ними.

Быть историческимъ живописцемъ,

значитъ пережить въ тѣхъ вѣкахъ, въ которыхъ жили изображаемые нами, приподнять завѣсу давно минувшаго, сродниться съ бытомъ протекшихъ временъ, заглянуть пытливымъ взоромъ въ неизмѣримую перспективу минувшихъ вѣковъ — это почти тоже, какъ бы прожить Маѳусаиловы года во всей свѣжести такихъ лѣтъ, въ какихъ находится тотъ живописецъ, который изображаетъ своей рукою минувшую славу давно исчезнувшаго героя? — Да, живопись историческая великое дѣло, достойное всякаго уваженія не только современниковъ, но даже и потомства.

Слава историческаго живописца, этого счастливца, не умолкаетъ до тѣхъ поръ, когда уже краски и полотно истлѣютъ отъ времени...одна-

ко они истлѣютъ!... И такъ — вотъ уже и нѣтъ непрерываемой, безконечной пользы? Все это подвержено уничтоженію, и потому неистощимый кошелекъ вѣчной пользы не принадлежитъ даже и этому небесному таланту... Гдѣ же искать его?

Умъ, сердце, и душа говорятъ мнѣ, что онъ есть, точно есть; но не въ томъ, что знаменито по мнѣнію людей и возбуждаетъ гордость, которая уничтожаетъ всѣ наши лучшія качества, слѣдовательно эта польза скорѣе можетъ назваться вредомъ, нежели пользою. И скажу прямо, что истинною пользою можетъ назваться одно то, что служитъ не одному человѣку, а разливается на многихъ его ближнихъ; тогда это продолжительно, безвредно и неистощимо, какъ опи-

сываемый нами кошелекъ! — Попробуемъ доказать это повѣствовательнымъ примѣромъ.

---

f) Мальчикъ-живописецъ.

Одинъ молодой человѣкъ, имѣя склонность къ рисованью, рѣшился взять на себя званіе портретнаго живописца. Онъ завелъ свою мастерскую въ одномъ уѣздномъ городѣ и вскорѣ прославился искусною отдѣлкою своихъ портретовъ; хотя по правдѣ сказать не очень удачно схватывалъ онъ сходство, но за то платье и прочія принадлежности были сдѣланы на славу, такъ что атласъ, бархатъ, сукно и прочее казалось надобно пощупать рукою, чтобы удостовѣриться, что это нарисова-

но, а главное онъ умѣлъ украсить всякое некрасивое лицо и отъ того, не очень взыскательные люди, желали заказывать ему свои портреты, и живописецъ нашъ, пріобрѣтая чрезъ то порядочныя выгоды, началъ жить безъ нужды: будучи же очень добръ, онъ часто помогалъ другимъ своимъ собратіямъ, не имѣвшимъ и того таланта, чтобы украшать непохожія копіи.

Въ томъ же домѣ, гдѣ поселился Викторъ Николаевичъ, такъ звали живописца, жило внизу, почти въ подвалѣ, одно очень бѣдное семейство: старикъ дѣдушка, съ тремя внуками; старшему было лѣтъ двѣнадцать. Видя безпомощнаго старика, сокрушающагося о малолѣтныхъ своихъ внукахъ, которые должны были ходить по міру, чтобы выпросить нѣ-

сколько копеечекъ на пропитаніе, добрый Викторъ Николаевичъ не остался равнодушенъ къ его скорби, и сколько могъ помогалъ этому жалкому семейству. Между тѣмъ старикъ, ослабѣвая отъ лѣтъ и отъ заботы, впалъ наконецъ въ тяжкую болѣзнь и уже не могъ вставать съ своей жесткой войлочной постели. Чувствуя свое послѣднее изнеможеніе, старикъ вздумалъ обратиться съ просьбою къ Виктору Николаевичу, какъ къ сосѣду, жившему надъ нимъ во второмъ этажѣ, который чаще другихъ постояльцевъ подавалъ милостыню его ребятишкамъ. Конечно самъ Богъ внушилъ старичку эту мысль! и въ одно утро, призвавъ къ себѣ старшаго внука Алешу, послалъ онъ его попросить къ себѣ добраго господина,

живущаго надъ ними. Викторъ Николаевичъ не отказалъ въ такой просьбѣ и тотчасъ пришелъ къ старичку.

«Милостивый нашъ благодѣтель, Викторъ Николаевичъ, началъ старикъ, когда тотъ подошелъ къ его кровати вы видите сами, въ какомъ я положеніи: и лѣта мои, и болѣзнь, конечно, скоро сведутъ меня въ гробъ. Буди на то Святая воля, Господня! Я готовъ умереть, если Ему это угодно; но меня жестоко тревожитъ мысль, на кого оставлю сиротъ моихъ. Вотъ они всѣ, прибавилъ старикъ, показывая на трехъ мальчиковъ, стоявшихъ подлѣ и обливавшихся слезами. Старшему недавно минуло двѣнадцать лѣтъ, второму девять, третьему семь, а четвертый по пятому году. Кто призритъ ихъ? Кто позаботится объ этихъ несчастныхъ

сиротахъ, когда меня не будетъ? Да и я то, что могу для нихъ сдѣлать, когда, будучи еще живъ, уже лежу неподвижно? Замѣтилъ я, что вы, милостивый государь, такіе добрые, что никогда не отгоняли ребятишекъ моихъ отъ окна, не подавъ имъ что нибудь, и потому осмѣлился я просить васъ, добрый господинъ: не возьмете ли вы къ себѣ въ услуженіе старшаго моего внука? Онъ любитъ работать, здоровъ и довольно силенъ и можетъ приготовлять и стирать ваши краски, за что положите ему хотя небольшую плату. Я увѣренъ, что внукъ мой будетъ служить вамъ со всѣмъ усердіемъ; онъ трудолюбивъ и я старался вложить въ душу его страхъ Божій; почему онъ, конечно, всегда будетъ честенъ и по совѣсти будетъ

исполнять ваши приказанія. Вотъ моя просьба, не откажите умирающему! Дайте спокойно отойти въ другую жизнь дряхлому старику.

— Хорошо, почтенный старичокъ! отвѣчалъ, тронутый до глубины души Викторъ Николаевичъ; но я и самъ небогатъ, не могу многаго положить ему за услуженіе, а малымъ не прокормитъ онъ своихъ братьевъ.

— Не безпокойтесь объ нихъ, мой батюшка! только бы старшему было какое нибудь пристанище, то и меньшіе, питаясь мірскимъ подаяніемъ, не совсѣмъ будутъ покинуты. Вы живете такъ близко надъ ними, то конечно не запретите брату ихъ приходить на ночь въ эту конурку, чтобы только ребятишки не были одни. Днемъ же они живутъ на улицѣ, просят милостыню, кромѣ самаго меньшаго, Васи, который такой благонравный и кроткій ребенокъ, что будетъ сидѣть смирно и заниматься своими лучинками, которыя у него вмѣсто игрушекъ; онъ изъ деревянныхъ брусочковъ, да палочекъ удивительно какіе выстраиваетъ дома, и цѣлый день этимъ занятъ; его можно оставлять одного; а старшій, Алеша, будетъ уплачивать получаемымъ отъ васъ жалованьемъ за этотъ небольшой чуланъ; благо, добрый хозяинъ дома беретъ съ насъ только пять рублей въ годъ, и на печку даетъ намъ дровецъ даромъ; награди его Богъ за это! И такъ, благодѣтель нашъ, вы согласны сдѣлать меня совершенно счастливымъ?

— Согласенъ, почтенный старецъ;

сколько могу, готовъ помогать сиротамъ твоимъ.

Такъ было уговорено, и за небольшую плату Алеша нанялся въ услуженіе къ живописцу.

Старикъ вскорѣ умеръ; добрый Викторъ Николаевичъ похоронилъ его на свой счетъ и продолжалъ покровительствовать оставшимся сиротамъ. Прежде всего, вмѣсто того, чтобъ нищенствовать подъ окнами, что Викторъ Николаевичъ почиталъ сквернымъ для всякаго, кто можетъ инымъ образомъ добыть кусокъ хлѣба, двое среднихъ мальчиковъ были опредѣлены на ближнюю бумагопрядильню, гдѣ получали маленькое жалованье, а самаго меньшаго велѣлъ приводить къ себѣ, когда братья уходили со двора, и скоро самъ такъ полюбилъ этого кроткаго

ребенка, что по вечерамъ не рѣдко занимался тѣмъ, что стругалъ для него разные четыреугольные и продолговатые брусочки, изъ которыхъ Вася строилъ удивительные домики, и однажды, увидѣвъ у живописца рисунокъ великолѣпнаго зданія, съ колоннадою кругомъ, малютка до того трудился съ своими обрубками и съ лучинками, что что-то похожее на округленныя палочки поставилъ на мѣсто колоннъ, а капители и базы іоническаго ордена, изображенныя на рисункѣ, слѣпилъ изъ воску, и такъ искусно сдѣлалъ ихъ завитки, что тотчасъ можно было примѣтить какого онѣ ордена. Это удивительное произведеніе малютки-архитектора очень занимало и самого живописца, и онъ уже такъ полюбилъ мальчика, что не только ког-

да уходили его братья, но и всегда велѣлъ оставаться у него этому милому мальчику, отъ котораго никогда не было ни малѣйшаго безпокойства.

Между тѣмъ старшій Васинъ братъ, Алеша, своимъ усердіемъ въ натираніи красокъ и прочимъ услуженіемъ также очень нравился Виктору Николаевичу; невозможно было прилежнѣе исполнять свою должность, какъ исполнялъ нашъ трудолюбивый мальчикъ. Только и случалось нѣкоторое упущеніе въ его должности, когда живописецъ приносилъ какой нибудь новый бюстъ или картину; тогда не разъ заставалъ онъ Алешу, какъ тотъ, устремивъ глаза на эту новую вещь въ его комнатѣ, стоялъ долго на одномъ мѣстѣ, не спуская глазъ съ бюста или картины, и тог-

да, засмѣявшись надъ такимъ, можно сказать, страннымъ очарованіемъ своего молодаго служителя, приказывалъ ему исполнять усердно свою должность, не заглядываясь на его бюсты и картины. Алеша спѣшилъ повиноваться и, не говоря ни слова, принимался, или натирать краски, или мыть кисти, или мести и убирать горницу. Такъ продолжалось довольно времени.

Въ одно утро пріѣхалъ къ живописцу одинъ какой-то очень важный графъ, помѣщикъ большаго имѣнія по близости этого города. Этотъ господинъ просилъ Виктора Николаевича написать его портретъ, прибавя, что о цѣнѣ онъ не будетъ спорить, и готовъ заплатить очень дорого, только бы черты лица его бы-

ли переданы вѣрно. Такъ было условлено, и живописецъ нашъ сталъ каждый день ходить къ графу (который для того нарочно помѣстился въ городѣ, и близко отъ живописца); но возвращался домой всегда очень смущенный и недовольный собою, потому что портретъ не удавался. Графъ требовалъ поразительнаго сходства, а на это, правду сказать, недоставало таланта у нашего художника. Наконецъ, въ большомъ горѣ принесъ онъ портретъ къ себѣ на квартиру, думая, не лучше ли будетъ писать его тутъ, гдѣ уже свѣтъ расположенъ въ окнѣ по всѣмъ правиламъ искусства, и для того упросилъ графа, чтобъ при послѣдней отдѣлкѣ, потрудился онъ пріѣхать къ нему. Графъ согласился, и въ одно

утро пріѣхалъ къ живописцу. Помѣстивъ какъ слѣдуетъ оригиналъ свой, Викторъ Николаевичъ усердно принялся исправлять портретъ; но графъ съ сокрушеніемъ объявилъ, что отъ этой отдѣлки сходство совсѣмъ исчезло! — Живописецъ нашъ приходилъ въ отчаяніе, не зналъ, что уже дѣлать, тѣмъ болѣе, что по его убѣжденію, портретъ былъ похожъ. Помолчавъ нѣсколько, Викторъ Николаевичъ произнесъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ, что онъ желалъ бы имѣть какого нибудь посторонняго свидѣтеля; потому что иногда свѣжій, даже и неопытный глазъ въ этомъ дѣлѣ, можетъ замѣтить, въ чемъ именно состоитъ недостатокъ. — Зачѣмъ же дѣло стало? сказалъ графъ очень хладнокровно. Проходя мимо вашей пе-

редней, я видѣлъ мальчика, который натираетъ ваши краски; позовемъ его, вотъ уже точно будетъ—неопытный глазъ! —Алеша! закричалъ живописецъ, покраснѣвъ отъ затронутаго самолюбія.

Мальчикъ явился.

— Поди сюда, продолжалъ онъ; посмотри на этотъ портретъ, и скажи: на кого онъ похожъ: на меня, на тебя, или на этого господина?

Алеша устремилъ глаза на портретъ, минутъ пять молчалъ, потомъ сказалъ громко:

— Ни на васъ, ни на барина, ни на меня не похожъ.

— Какъ? воскликнулъ живописецъ.

— Да-съ, ни на васъ, ни на меня, даже и не на этого барина, хотя платье сдѣлано ихнее, а не ваше и

тѣмъ болѣе не мое.... Но если бы!... Онъ остановился и замолчалъ.

— Что если бы? спросилъ графъ.

— Еслибы, отвѣчалъ мальчикъ.... какъ будто сдѣлавшись совсѣмъ другой; глаза его сверкали, онъ смотрѣлъ съ такимъ вниманіемъ на портретъ, какъ бы знатокъ какой нибудь.

— Продолжай, Алеша! Что ты хотѣлъ сказать? повторилъ живописецъ.

— Еслибы, началъ Алеша, поправить въ лѣвомъ глазу одну черту и носъ сдѣлать немного покороче, то....

— Чтожъ тогда? спросилъ графъ.

— Тогда портретъ былъ-бы похожъ, какъ двѣ капли воды, на васъ, сударь!

— Слышите, что онъ говоритъ? воскликнулъ графъ.

— Слышу и удивляюсь, произнесъ Викторъ Николаевичъ. Но кто же его поправитъ? Признаюсь, я не вижу этого недостатка, и поправляя, могу совершенно всю работу испортить.

— Кто нашелъ ошибку, тотъ долженъ и поправить, сказалъ графъ.

— Ну! Алеша, садись и пиши! произнесъ Викторъ Николаевичъ, засмѣявшись.

— Если позволите?

— Позволяю! позволяю! сказалъ удивленный живописецъ.

Тутъ мальчикъ нашъ, какъ будто переродился: робость его исчезла, онъ проворно взялъ палитру и кисть своего хозяина и, сѣвъ на его мѣсто, устремилъ проницательный взглядъ на лицо графа; минутъ съ десять во-

дилъ онъ глазами по всѣмъ чертамъ его лица; графъ сидѣлъ передъ нимъ, какъ передъ знаменитымъ живописцемъ: такъ этотъ неожиданный экзаменъ вдохновеннаго взора очаровалъ его!

Даже самъ Викторъ Николаевичъ, примѣтивъ такое нешуточное вниманіе Алеши, съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что изъ этого выйдетъ; но отвернулся къ окну, опасаясь, что при первой чертѣ, проведенной неопытною кистью, портретъ будетъ совершенно испорченъ.

Между тѣмъ, новый живописецъ Алеша, провелъ черту въ лѣвомъ глазѣ; наложенной тѣнію сдѣлалъ носъ немного тонѣе и короче, взглянулъ еще очень пристально на лицо графа, и проведя еще одинъ или два штриха,

всталъ съ своего мѣста и сказалъ: «Готово, извольте смотрѣть.»

Оба присутствующіе кинулись къ портрету.

— Чрезвычайно похожъ! вскрикнули они въ одинъ голосъ.

— Алеша! Ты великій живописецъ! сказалъ его хозяинъ.

— Ты геній, произнесъ графъ, и за то, съ восторгомъ принимая портретъ, вручаю вамъ, Викторъ Николаевичъ, условленную цѣну сто рублей серебромъ, и столько-же дарю вашему чудному мальчику-живописцу! Съ этимъ словомъ графъ, отсчитавъ обѣ суммы, вручилъ тому и другому, но не спѣшилъ уѣхать: любопытство влекло его, узнать нѣкоторыя подробности объ Алешѣ, и онъ, вмѣстѣ съ Викторомъ Николаевичемъ,

началъ разспрашивать, гдѣ и у кого онъ учился?

— Нигдѣ, и ни у кого, отвѣчалъ Алеша, войдя въ прежнюю роль застѣнчиваго ребенка.

— Быть не можетъ! возразилъ графъ.

— Викторъ Николаевичъ знаетъ, что дѣдушка мой былъ нищій, что братья мои и теперь ходятъ работать на фабрику, такъ кто-же бы согласился даромъ учить меня?

— Однако, ты хотя самоучкою, но рисовалъ прежде?—спросилъ его хозяинъ.

— Да-съ, это случалось.

— Гдѣ-же твои рисунки? — Покажи ихъ скорѣе.

— Этого я не могу сдѣлать.

— Отчего-же?

— Оттого, Викторъ Николаевичъ, что они—на стѣнахъ въ нашей квартирѣ.

— Покажи ихъ намъ, веди насъ туда! воскликнулъ графъ, и оба почти бѣгомъ пустились съ лѣстницы.

Алеша отворилъ имъ дверь бѣдной каморки, и они поражены были удивленіемъ, увидѣвъ по стѣнамъ нарисованные мѣломъ и углемъ, совершенно схожіе бюсты, которые были въ мастерской Виктора Николаевича. Живописецъ и графъ не могли насмотрѣться на живость и правильность этихъ фигуръ.

— Развѣ ты бралъ бюсты мои сюда? спросилъ его хозяинъ.

— Нѣтъ-съ; этого я не смѣлъ сдѣлать; а только смотрѣлъ на нихъ долго и потомъ рисовалъ на память.

— Удивительно! неподражаемо! твердилъ графъ.

— А вотъ, хотите-ли видѣть нашего дѣдушку? спросилъ маленькій Вася, прибѣжавъ за ними.

— Покажи, покажи! отвѣтили въ одинъ голосъ графъ и художникъ, и тогда мальчикъ съ помощію Алеши, обернулъ столъ, бывшій въ углу, и они увидѣли, на нижней доскѣ, очень похожій портретъ старика, котораго хорошо зналъ Викторъ Николаевичъ, и подтвердилъ, что сходство поразительно.

— Вотъ странная выдумка—писать портретъ подъ столомъ! сказалъ графъ, засмѣявшись.

— Нельзя было иначе, отвѣчалъ Алеша; дѣдушка ни за что не соглашался, чтобы я рисовалъ съ него;

а мнѣ очень хотѣлось имѣть его милое для насъ личико. Вотъ я и выпросилъ позволеніе у дѣдушки спать подъ столомъ, будто отъ мухъ; развѣсилъ съ одной стороны балахонъ свой на мѣсто полога, и такъ, выглядывая оттуда, писалъ съ него, когда онъ, лежа недвижимо на своемъ войлокѣ, читалъ Святую Книгу.

— Вотъ и книга въ рукѣ его, сказалъ Вася; дѣдушка цѣлый день читалъ молитвы.

— Отчего-же прежде, когда я приходилъ къ вамъ, не было никакихъ рисунковъ по стѣнамъ? спросилъ Викторъ Николаевичъ.

— Были и тогда, но дѣдушка, какъ скоро я кончу, который нибудь и перестану рисовать, всегда приказывалъ стирать хорошенько, чтобы не раз-

сердить хозяина тѣмъ, что я мараю его стѣны; а бумаги мнѣ было не на что купить. Теперь дѣдушки нѣтъ, а хозяинъ никогда къ намъ не заходитъ, потому я и оставляю нарисованные ваши бюсты; посмотрѣвъ только на нихъ пристально. Мнѣ нынче гораздо легче стало рисовать, нежели было прежде, когда я выдумывалъ изъ головы.

Осмотрѣвъ все, и преисполненные удивленіемъ, графъ и Викторъ Николаевичъ, возвратились на верхъ; и первый, взявъ портретъ свой, уѣхалъ домой.

Можно представить, въ какомъ изумленіи остался живописецъ отъ видѣннаго имъ, и въ какой радости былъ служитель его Алеша. У него не только ста рублей, но даже копеекъ въ

такомъ множествѣ, никогда не бывало! Сто рублей серебромъ казались величайшимъ богатствомъ для Алеши; однако онъ не отуманился этимъ, но умѣлъ употребить деньги эти съ пользою: прежде всего поспѣшилъ отслужить въ церкви благодарственный молебенъ и одѣть потеплѣе своихъ братьевъ, купивъ, что для нихъ было крайне нужно, а кромѣ того, не малую часть удѣлилъ на то, чтобы роздать бѣднымъ. Такъ началъ свое поприще добрый мальчикъ, и Богъ благословилъ его неимовѣрными успѣхами.

Истинно добрый Викторъ Николаевичь не позавидовалъ таланту своего мальчика, а напротивъ, съ этого-же дня, принялся давать ему настоящіе уроки и толковать правила живописнаго искусства, которое составляло та-

лантъ Алеши, но въ которомъ, при всемъ талантѣ, нельзя вполнѣ преуспѣть безъ знанія теоріи, то есть самой науки живописи. Можно представить, что въ скоромъ времени Алеша сдѣлался настоящимъ помощникомъ, своего учителя, при чемъ откровенно замѣчалъ его ошибки и часто поправлялъ ихъ.

Когда молва разнеслась въ околодкѣ, что въ мастерской Виктора Николаевича пишутся такіе портреты, лица которыхъ имѣютъ удивительное сходство, то и самые богатые помѣщики пріѣзжали сюда со всѣхъ сторонъ, чтобы заказывать даже цѣлыя коллекціи фамильныхъ портретовъ. Благодаря этому, въ непродолжительномъ времени, недавно еще очень небогатый нашъ Викторъ Николаевичъ,

съ помощію вѣрнаго своего Алеши, сдѣлался очень богатъ. Вотъ какъ наградилось его попеченіе объ этомъ семействѣ!

Но этимъ не кончилось: чудесный мальчикъ наставилъ своего хозяина и друга, какъ теперь называлъ тотъ Алешу, и на лучшее, превышающее самую живопись. Именно онъ присовѣтовалъ употребить добытыя деньги свои съ большою пользою: завести школу живописи, гдѣ они оба должны быть учителями, но безъ всякой платы, набравъ въ эту школу самыхъ бѣдныхъ мальчиковъ сиротъ, чтобы развивать въ нихъ способность къ живописи и чрезъ то доставить имъ со временемъ хлѣбъ пріобрѣтаемый собственными трудами. Добрый Викторъ Николаевичъ съ большою радостію на то согласился,

и первые, принятые имъ ученики, были разумѣется братья Алеши. Оба эти мальчика также оказали большую склонность къ рисованью и живописи; но только не портретовъ, а снятію видовъ всякаго рода мѣстностей, и природа оживилась подъ ихъ кистію, т. е. они имѣли призваніе—быть ландшафтными живописцами.

Самый же меньшой, Вася, строившій домики изъ брусочковъ, вышелъ весьма искуснымъ архитекторомъ. Со временемъ, когда школа ихъ сдѣлалась уже очень многочисленна, то они раздѣлили ее на двѣ половины, и тѣ, которые имѣли охоту и талантъ къ живописи, продолжали заниматься этимъ искусствомъ; другихъ же учили только грамотѣ, т. е. читать и писать, и чрезъ то истинно облагодѣтельство-

вали многихъ сиротъ, не имѣвшихъ ни пристанища, ни куска хлѣба.

Къ тому же въ этой школѣ преподавался Законъ Божій, читались однѣ только нравоучительныя книги, и нашъ Викторъ Николаевичъ съ другомъ своимъ Алексѣемъ имѣли несказанное удовольствіе видѣть въ послѣдствіи, что изъ ихъ воспитанниковъ выходили не только отличные живописцы, каллиграфы и архитекторы, потому что со временемъ и всѣ братья Алеши сдѣлались учителями въ этой школѣ, но украшенные такими талантами, они еще были и хорошо направленными молодыми людьми на все доброе и полезное. Не нужно описывать, сколько доставили они своимъ ближнимъ: начавъ отъ малаго, дошли до большаго, и точно какъ бы, вынимая по копееч-

кѣ изъ своего кошелька, видѣли его неистощимымъ, потому что одна польза, влекла за собою другую, другая третью, и такъ далѣе, добродѣтели обоихъ не прекращались и сокровище души ихъ никогда не могло истощиться, словно какъ чудесный нашъ *кошелекъ!*

---

g) РАЗСУЖДЕНІЕ МАТЕРИ.

Мы задали себѣ, милыя дѣти, рѣшить задачу: можетъ ли быть неистощимый кошелекъ въ нашъ вѣкъ, когда уже не вѣрятъ люди ни волшебнымъ сказкамъ, ни другимъ выдумкамъ подобнаго рода? Съ просвѣщеніемъ истинною вѣрою, всѣ эти вздоры исчезли, какъ исчезаетъ тьма ночная

при восхожденіи солнца. Но однако я утверждаю, что неистощимый кошелекъ можетъ существовать и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ. И даже каждый изъ насъ долженъ пріобрѣтать его, бѣдный въ маломъ, а богатый въ большомъ размѣрѣ. Умственныя копеечки этого кошелька, разумѣется, не состоятъ изъ настоящихъ, матеріяльныхъ копеекъ, но изъ болѣе полезныхъ и выгодныхъ душевныхъ дарованій.

Конечно, вы и сами уже поняли, что онъ состоитъ не въ покупкѣ какихъ бы ни было вещей, а въ пріобрѣтеніи добродѣтелей; одна польза, доставляемая ближнимъ нашимъ, можетъ быть неистощима! Она одна ведетъ за собою возрастающую прибыль, для души нашей, по мѣрѣ старанія

нашего, которое и можно уподобить вынимаемымъ изъ неистощимаго кошелька въ сказкѣ нашей, копеечкамъ, которыя не издерживались, а прибывали; потому что добрыя дѣла, какъ безконечный кругъ, или цѣпь, которой кольца вкладываясь одно въ другое, слѣдуютъ другъ за другомъ, такъ и хорошія намѣренія, приводимыя въ дѣйствіе, имѣютъ безконечную пользу.

Напримѣръ, вы подали нѣсколько денегъ истинно бѣдному; онъ тотчасъ начинаетъ молиться Богу, слѣдовательно вы своей небольшой милостыней, вознесли мысли его къ Тому, кто замѣчаетъ малѣйшее обращеніе къ Себѣ! Богъ, будучи милосердъ, въ ту же минуту, какъ дающаго отъ добраго сердца, такъ и принимающаго съ благодарностію, осѣняетъ благослове-

ніемъ отеческой любви своей?—Что можетъ быть выше этой награды? И ее то заслужить возможно каждому изъ насъ, потому что тутъ не требуется ни чрезмѣрныхъ подвиговъ какого нибудь геройства, ни ученѣйшихъ познаній, ни пріобрѣтенія милліоновъ, а просто одного сладостнаго чувства любви къ Богу и къ ближнему, которая развиваясь болѣе и болѣе въ душѣ нашей, соединяетъ насъ съ Самимъ Богомъ! Какая высокая доля! и вотъ это счастіе непрерывно и вѣчно.—Напишемъ теперь:

---

b) ПЕРВЫЙ ПРИМѢРЪ:

у кого можетъ быть неистощимый кошелекъ.

Знала я одного небогатаго господина, который по слабости здоровья, принужденъ былъ выйдти въ отставку и поселиться въ деревнѣ, гдѣ принадлежалъ ему небольшой клочекъ земли; наймомъ обработывая свое поле, питался онъ хлѣбомъ и овощами отъ небольшаго огорода, гдѣ самъ сажалъ капусту, морковь, рѣпу и прочее; убирать же все это и заготовлять въ прокъ, опять принужденъ былъ собирать такъ называемую, толоку изъ крестьянскихъ женщинъ, которыя однако очень усердно на него работали; потому что онъ былъ чрезвычайно добръ и сострадателенъ ко всѣмъ больнымъ и несчаст-

нымъ, и живя въ деревнѣ, гдѣ не было ни одного врача, онъ своимъ стараніемъ и нѣкоторыми домашними средствами помогалъ многимъ и прославился въ околодкѣ, какъ самый добрый и милостивый баринъ. Любовь его къ ближнимъ была всѣмъ извѣстна: кто только подвергался страданію тѣлесному, или душевному, того добрый Иванъ Яковлевичъ старался навѣщать, какъ можно чаще, облегчить и утѣшить, обративъ мысли ихъ къ Богу, Подателю всѣхъ благъ. Въ этомъ онъ и успѣвалъ довольно часто: больные и убитые печалью ободрялись, и надежда на милосердіе Божіе подкрѣпляла ихъ силы.

Однажды дошли до него прежалостныя вѣсти о томъ, что одна бѣдная вдова, которая жила въ нѣкоторомъ

разстояніи отъ его деревни, питалась трудами рукъ своихъ, переходя изъ одной усадьбы помѣщичьей въ другую, и вдругъ была лишена даже и этого средства: жестокая болѣзнь положила ее въ постель, уже отнялись руки и ноги, и эта жалкая старуха, будучи совершенно одинокою, оставалась безъ всякаго призрѣнія; развѣ иногда только добрыя крестьянки, заходя къ ней, приносили кусокъ хлѣба, или пирога; но не могли оставаться съ нею, особливо въ рабочую пору, почему проходили цѣлые дни такъ, что некому было подать ей даже напиться, сама же лежала она недвижимо. Узнавъ объ этомъ, Иванъ Яковлевичъ поскакалъ къ ней, и помогъ ей чѣмъ только было можно: прежде всего онъ накормилъ ее горячимъ супомъ; но, разумѣется, и

ему нельзя было оставаться долго подлѣ больной старухи. Это чрезмѣрно тревожило его добрую душу. Онъ сталъ придумывать, какъ бы избавить страдалицу отъ такого жестокаго одиночества; нанять же и приставить къ ней женщину сидѣлку, былъ онъ не въ состояніи. И вотъ принялся онъ ѣздить по сосѣдямъ, довольно богатымъ людямъ, разсказывая имъ про это жалкое положеніе одинокой старухи. Всѣ сосѣди любили Ивана Яковлевича за его кроткій нравъ; онъ никогда ни съ кѣмъ не ссорился, а еще случалось, что и поссорившихся мирилъ своимъ добрымъ, христіанскимъ увѣщаніемъ; всѣ были увѣрены въ словахъ его какъ въ самой истинѣ, и потому выслушивали со вниманіемъ и этотъ разсказъ его о старухѣ, которую знали мно-

гіе изъ нихъ; всѣ обѣщались помочь ей; но время шло, а никто еще ничего не сдѣлалъ; конечно это происходило не отъ особенной какой нибудь жестокости къ ближнему, но просто отъ свойственнаго людямъ большею частію невниманія и холоднаго равнодушія къ бѣдствіямъ посторонняго человѣка. Въ то время, когда говорилъ Иванъ Яковлевичъ, жалость возбуждалась въ душѣ у многихъ; но когда онъ уѣзжалъ, слова его легко забывались, при другихъ занятіяхъ, болѣе пріятныхъ каждому. Такъ очень часто случается въ свѣтѣ, и люди не отъ злаго сердца, а только отъ какого-то непостоянства чувствъ и мыслей, не оказали бѣдняжкѣ столько добра, сколько могли-бы!

Между тѣмъ время шло, а бѣдная

старуха все оставалась одна, и добрый Иванъ Яковлевичъ, сокрушаясь, не спалъ нерѣдко ночи, опасаясь, что она умретъ безъ призрѣнія. Онъ придумывалъ многіе способы, которые всѣ оказывались неисполнимы; наконецъ счастливая мысль блеснула въ головѣ его: свезти старуху въ городъ и помѣстить въ богадѣльню. Обрадовался онъ этому чрезвычайно! Но вотъ бѣда! Въ богадѣльнѣ надобно платить за помѣщеніе и продовольствіе пищею, на что необходимы деньги, а ихъ то у него и не было, въ достаточности. Что дѣлать? Занять у богатаго сосѣда. Можетъ быть онъ ему и повѣритъ, но чѣмъ выплачивать? Морозъ пробѣжалъ у него по кожѣ и сердце замерло, когда онъ представилъ себѣ, что не въ состояніи будетъ отдать долгъ свой

и останется обманщикомъ во мнѣніи повѣрившаго ему сосѣда. При этомъ, разумѣется, Иванъ Яковлевичъ отвергъ этотъ способъ, какъ неисполнимый, и снова принялся ломать себѣ голову. И вотъ однажды, когда углубясь въ свою думу, сидѣлъ онъ окруженный облаками табачнаго дыма, (какъ страстный любитель трубкокуренія), онъ вдругъ, какъ бы проснувшись, и оттолкнувъ отъ себя трубку на полъ, сказалъ: «Баста! не буду больше покупать табаку, и не стану обращать въ дымъ драгоцѣнныя мои денежки, которыя такъ мнѣ теперь нужны!» — Съ этимъ словомъ онъ всталъ, поднялъ трубку, вычистилъ ее и поставилъ къ другимъ трубкамъ, которыя украшали уголъ его гостиной; потомъ, взявъ лоскутъ бумаги и ка-

рандашъ, началъ высчитывать, сколько въ годъ выходило у него денегъ на табакъ; долго онъ считалъ и оказалось, что изрядную сумму пускалъ онъ на воздухъ посредствомъ табачнаго дыма; однако этого недостаточно было для преднамѣреваемаго дѣла, и неутомимый Иванъ Яковлевичъ снова принялся думать. Такъ какъ тогда былъ уже седьмой часъ вечера, то единственный его слуга, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, принесъ ему на подносѣ чайникъ съ налитымъ чаемъ, любимую его фарфоровую чашку, и весь чайный приборъ поставилъ передъ нимъ на столѣ. Надобно сказать, что чай была другая страсть Ивана Яковлевича: будучи родомъ изъ Сибири, онъ чрезвычайно любилъ этотъ напитокъ и пилъ его какъ знатокъ, покупая лучшіе сор-

ты. Онъ могъ это дѣлать, потому что въ чаѣ и курительномъ табакѣ, состояла вся его роскошь; не малымъ утѣшеніемъ въ жизни почиталъ онъ напиться хорошаго чаю и потомъ весь день курить турецкій табакъ. И вотъ теперь, углубясь въ свои мысли, безсознательно, налилъ онъ чашку чаю; наслаждаясь живительною влагою, онъ съ удовольствіемъ выпилъ чашку оной, потомъ налилъ другую, третью, и вдругъ лицо его омрачилось, брови сдвинулись вмѣстѣ, видно было что какое-то непріятное чувство или грусть, какъ тѣнь отъ облака, пробѣжала по его доброму лицу. Но вскорѣ онъ улыбнулся, возвелъ глаза къ небу и произнесъ: «Господи! если этой жертвой могу я доставить спокойствіе бѣдной страдалицѣ, то жертва эта должна казаться

мнѣ очень легкою. Хорошо, рѣшаюсь и на это. Онъ позвалъ мальчика и сказалъ: «Андрюша! выпей, что осталось и потомъ выполощи хорошенько чайникъ и чашку, оботри ихъ сухимъ полотенцемъ, поставь въ шкафъ, запри, а ключь принеси ко мнѣ; эта посуда болѣе не будетъ употребляться.»

— А когда вамъ угодно будетъ чай пить?

— Никогда!

— Какъ сударь, ни поутру, ни вечеромъ?

— Никогда! мнѣ чай сдѣлался противенъ.

Мальчикъ, пораженный удивленіемъ, стоялъ не двигаясь съ мѣста.

— Что же ты, Андрюша? исполняй то, что я тебѣ приказываю.

— Хорошо, Иванъ Яковлевичъ.... но какъ же безъ горячаго! хотя бы малину, или мяту попробовали кушать....

— Да! ты меня прекрасно надоумилъ! И точно! Какой же я дуракъ, что давно не пришло мнѣ это въ голову! думалъ Иванъ Яковлевичъ, когда мальчикъ съ подносомъ удалился. Сухая малина есть у меня, ее самъ Богъ насадилъ и выростилъ въ лѣсахъ нашихъ: а мяты не мало у меня, въ огородѣ; къ тому же и медъ есть домашній. Отлично! даже и сахара покупать не буду; мнѣ такое питье ничего не будетъ стоить; а, право, оно ежели не лучше, то ужъ ни чуть не хуже чаю; это одно у насъ воображеніе и пустая привычка.... Рѣшено! Съ этого дня не буду покупать доро-

гой китайской травки. И сколько же отъ этого будетъ у меня барыша, когда я за фунтъ плачу не дешевле 3 р. сер.

Иванъ Яковлевичъ снова взялъ бумагу и карандашъ и началъ считать; разумѣется вышло въ годъ, гораздо болѣе, нежели на табакъ; онъ пересчиталъ снова; удостовѣрясь, что это такъ, — сложилъ обѣ суммы вмѣстѣ; итогъ, вышедшій отъ того, произвелъ въ душѣ Ивана Яковлевича такой восторгъ, что онъ вскочилъ со стула, побѣжалъ въ свою спальню и тамъ кинувшись на колѣни передъ образомъ, со слезами началъ молиться Богу и благодарилъ Его, что сумма, которой ему не доставало, вышла сполна при этомъ разсчетѣ. «Теперь могу я безъ сомнѣнія занять столько денегъ,

чтобы скорѣе помѣстить мою бѣдную страдалицу, и потомъ, не тратя больше ни на табакъ, ни на чай, стану выплачивать помаленьку моему сосѣду; онъ человѣкъ добрый, повѣритъ мнѣ, а не то, пожалуй, могу дать ему не только росписку, даже вексель, вѣдь это все равно, какъ-бы деньги были въ моемъ карманѣ!»

Перебирая все это въ мысляхъ, Иванъ Яковлевичъ почти бѣгомъ отправился въ конюшню, велѣлъ запрячь единственную свою лошадку, полетѣлъ въ ближнее село, къ своему богатому сосѣду, и не обманулся на счетъ доброты его: сосѣдъ тотчасъ отсчиталъ ему спрашиваемыя деньги, не требуя даже и росписки, потому что честность Ивана Яковлевича до того была всѣмъ извѣстна, что казалось

невозможно усомниться, еслибы онъ просилъ взаймы и нѣсколько тысячъ, не только какую-нибудь сотню, столь маловажную для богатаго человѣка.

Получивъ деньги, отправился Иванъ Яковлевичъ прямо, къ больной старухѣ, объявилъ ей свое намѣреніе, помѣстить ее въ богадѣльню, и та со слезами благодарила его за такую великую милость, благодаря которой, она будетъ не одна лежать цѣлый день и ночь, потому что въ богадѣльнѣ много старухъ, ей подобныхъ; а что на людяхъ и смерть красна! — Выслушавъ это, Иванъ Яковлевичъ съ новымъ стараніемъ, началъ сбирать старуху въ дорогу; осмотрѣлъ свою дорожную кибитку, обитую войлокомъ; подрядилъ одного крестьянина везти въ городъ, и когда

тотъ привелъ пару хорошихъ лошадей, велѣлъ ему запрячь ихъ въ кибитку, и самъ положивъ туда подушки, отправился къ старухѣ; обвернулъ ее своей медвѣжьей шубой, довольствуясь самъ простымъ нагольнымъ тулупомъ, съ помощію возницы-мужика снесъ больную на рукахъ, положилъ ее въ кибиткѣ очень покойно, сѣлъ на облучекъ и отправился съ нею въ городъ, гдѣ была очень хорошая богадѣльня; тамъ устроивъ все и помѣстивъ старушку очень хорошо, не могъ Иванъ Яковлевичъ довольно нарадоваться такому счастію и въ совершенномъ удовольствіи возвратился въ свой домикъ; до такой степени одушевляла его любовь къ ближнему! Какъ сказалъ разъ, такъ и исполнилъ Иванъ Яковлевичъ; съ самаго того дня не

курилъ трубки и не пилъ чаю. При такомъ чувствѣ, малина и мята казались ему очень вкуснымъ напиткомъ; къ тому же онъ имѣлъ утѣшеніе вскорѣ заплатить долгъ свой. И такъ, откладывая всегда употребляемыя прежде имъ деньги на дымъ и на лакомство, какъ называлъ онъ тогда эти пустыя привычки, началъ уже онъ самъ выплачивать въ богадѣльню за свою старуху; которая года черезъ три, спокойно проживъ тамъ, скончалась, благословляя своего благодѣтеля; а потомъ спустя нѣсколько времени, послѣдовалъ и онъ за нею, окончивъ жизнь свою какъ праведникъ съ улыбкою радости на лицѣ, и по всему праву понесъ съ собою, принадлежащій ему *неистощимый кошелекъ добродѣтелей*, въ міръ лучшій, гдѣ, конечно,

увѣнчались его заслуги, вѣчнымъ — никогда непрерываемымъ — блаженствомъ!

i) ДРУГОЙ ПРИМѢРЪ:

ДѢТСКІЙ ПРІЮТЪ.

Одна хорошо воспитанная, умная дама, находясь въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ большимъ свѣтомъ, удивительно живо сохранила въ себѣ самыя чистыя, невинныя чувства и желанія человѣка, живущаго природою. Между тѣмъ она была самая заботливая мать и наставница малолѣтнихъ дѣтей, которыхъ лишилась въ послѣдствіи въ самомъ юномъ ихъ возрастѣ. Одинъ за другимъ они переселились

отъ нее въ вѣчность. Кажется очень тяжелый крестъ былъ наложенъ на эту добродѣтельную женщину, однако она не изнемогла подъ нимъ, а еще болѣе возвысилась духомъ, перенося съ примѣрнымъ великодушіемъ и совершенной христіанской покорностію эти жестокія потери. Однимъ словомъ, добродѣтельная Олимпіада Алексѣевна, не посѣтовала, не возроптала противъ ударовъ судьбы; но только со смиреніемъ говорила: — «Господь далъ, Господь и взялъ, буди имя Его благословенно! Оставшись одна въ этомъ мірѣ, и лишась уже послѣдней надежды земнаго счастія, она обратила всѣ мысли свои къ Богу; еще болѣе возлюбила испытующую ее десницу, и въ однихъ добрыхъ дѣлахъ искала себѣ утѣшенія; ни одинъ бѣд-

ный, ни одинъ страждущій не отходилъ отъ нее безъ помощи; не жалѣя трудовъ и спокойствія, отыскивала она несчастныхъ и помогала всякому, сколько можно. Напрасно говорятъ, что свѣтъ пагуба для высокихъ душъ, что порча его пристаетъ и къ чистымъ душамъ. Напротивъ, для нее все дѣйствовало въ одну хорошую сторону, она, при всемъ умѣ своемъ, не понимала злословія, не увлекалась пустой болтовнею праздныхъ людей. Она была увѣрена, что всѣ вообще расположены къ добру. Удивительно было, какъ эта свѣтская, опытная женщина имѣла часто ребяческій, невинный взглядъ на вещи; и какую искреннюю довѣренность и любовь питала она къ каждому человѣку; не подозрѣвая зла ни въ комъ; она

именно со всею горячностію любила своего ближняго.

Между тѣмъ, оставшись одна безъ семьи, безъ рода и племени, даже и безъ занятія по предмету воспитанія, къ которому имѣла большую склонность, Олимпіада Алексѣевна могла бы совершенно погибнуть отъ тоски и бездѣйствія, еслибы твердая вѣра и любовь къ Богу и ближнему ее не подкрѣпляли. Имѣя же одно утѣшеніе, въ исполненіи добрыхъ дѣлъ, она стала придумывать самыя полезнѣйшія дѣла, прося Бога, просвѣтить умъ ея на этотъ счетъ. И Господь послалъ ей благую мысль! Не имѣя собственныхъ дѣтей, Олимпіада Алексѣевна, придумала распространить великое благо воспитанія на постороннихъ бѣдныхъ дѣтей и сиротъ, которыя ли-

шены всякаго способа образованія себя къ лучшему. Для этого рѣшилась она завести, такъ называемый, пріютъ, въ отдаленномъ краю Россіи, чтобы дѣлая добро, избѣжать людской молвы и не потерять высокой цѣли благотворенія, чрезъ мірскую славу. И вотъ именно за такое смиреніе Господь послалъ ей Свою помощь, и она — не имѣя нетолько милліоновъ, которыми привыкли люди считать, въ устройствѣ чего нибудь подобнаго; напротивъ, съ небольшимъ состояніемъ — усердно помолясь Богу, рѣшилась на такое предпріятіе, столь трудное и съ деньгами въ этомъ мірѣ, гдѣ всякое добро встрѣчаетъ бездну препятствій.

Точно, казалось, что для предначѣреваемаго ею благотворенія, слиш-

комъ недостаточно было, того, чѣмъ могла она располагать, однако это ее не остановило. Она не сказала себѣ: что если Богъ, не надѣлилъ меня такъ щедро, то я могу оставаться спокойно, проживая для себя мое состояніе и не затѣвая излишнихъ благодѣяній; — нѣтъ! она этимъ не успокоилась; но, напротивъ, думая и день и ночь объ исполненіи своего намѣренія, употребила всѣ способы, какіе были въ возможности человѣческой. И вотъ, въ отдаленномъ краю Россіи она привела въ исполненіе то, что по всему праву, предоставляетъ ей во владѣніе неистощимый кошелекъ, то есть пользу неистощимую и продолжительное благодѣяніе для своихъ ближнихъ!

Потихоньку, да помаленьку, ограничивая себя отъ всякой роскоши,

наняла она домъ, въ уѣздномъ городѣ, близкомъ къ ея помѣстью, но столь отдаленномъ отъ обѣихъ столицъ, что туда едва еще начинало достигать какое нибудь просвѣщеніе; почему, подобное устройство и стоило ей неимовѣрныхъ трудовъ; казалось, все возставало противъ ея намѣренія: и помѣщеніе не ладилось, и тѣ, которымъ она его поручила, не охотно принимались за дѣло. При ней еще кое-какъ подвигалось впередъ; но когда она, по необходимости, должна была уѣзжать въ столицу, — тогда даже и то, что казалось, приближается къ настоящему окончанію, разстроивалось снова. Такъ-то неимовѣрно трудно въ этомъ мірѣ, затѣвать, что нибудь полезное. Однако ея добрую душу ничто не остановило; она шла своимъ

прямымъ путемъ, не пугаясь препятствій и не приходя въ холодное равнодушіе отъ неудачъ на каждомъ шагу; напротивъ, не измѣнивъ ни на минуту своему горячему чувству любви къ ближнему, продолжала свое дѣло и, наконецъ, имѣла величайшее удовольствіе видѣть, что Богъ помогъ ей и что желаніе ея увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Нѣсколько дѣтей бѣдныхъ родителей и сиротъ было принято въ это новое, благотворительное заведеніе. Точно, великое дѣло собрать мальчиковъ и дѣвочекъ изъ семействъ неимѣющихъ почти насущнаго хлѣба и дать имъ способъ къ нравственному образованію и улучшенію себя воспитаніемъ!

Но, представьте, и тутъ эта благодѣтельная особа встрѣтила, препятствіе, и въ комъ же? въ самихъ тѣхъ,

кому желала такой истинной пользы! Да; сначала, отцы и матери смотрѣли на это недовѣрчиво, а глупые ребятишки ревѣли и плакали, не желая быть въ числѣ тѣхъ, которые даромъ могли научиться тому, что необходимо всякому человѣку, въ какомъ бы состояніи онъ ни былъ. Во первыхъ, они должны были научиться Закону Божію, этому главному основанію счастія здѣшней и будущей жизни; во вторыхъ, — познанію отечественнаго языка по правиламъ грамматическимъ; чистописанію, такъ часто нужному, даже и въ самомъ простомъ быту. Потомъ, научиться какому нибудь ремеслу, рукодѣлью, столь полезнымъ и необходимымъ, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ въ ихъ семейной жизни, и наконецъ, что всего

драгоцѣннѣе, получить нравственное образованіе, и быть удаленнымъ отъ дурныхъ примѣровъ въ томъ нѣжномъ возрастѣ, когда ребенокъ, какъ мягкій воскъ, способенъ запечатлѣвать въ себѣ все, какъ хорошее, такъ и дурное.

Счастливцы, призрѣнные Олимпіадой Алексѣевной, будутъ ограждены отъ подобной пагубы; научатся различать добро и зло; и, мало по малу, утвердятся на прямомъ пути жизни, такъ, что уже ничто поколебать ихъ не возможетъ. Они будутъ пріучены при всякой встрѣчѣ горя, обращаться съ молитвою къ Богу, Подателю всѣхъ благъ! Слѣдовательно, имѣть ту великую помощь, при которой никакія превратности жизни не опасны.

Судите же, какая великая польза произойдетъ для нихъ, когда направ-

ленные такъ хорошо съ малолѣтства, они со временемъ, выростая, сами сдѣлаются отцами и матерями новыхъ семействъ; какой примѣръ благочестія и нравственности подадутъ они своимъ домашнимъ; какъ могутъ хорошо воспитывать и сами дѣтей своихъ; наставить своимъ образованіемъ родственниковъ и даже знакомыхъ, которые, видя ихъ счастливую жизнь, относительно спокойствія и порядка въ домѣ, разумѣется, захотятъ подражать имъ. Такимъ образомъ, изъ немногихъ, принятыхъ теперь въ это благодѣтельное заведеніе, которые, благодаря смѣтливости русскаго народа, вскорѣ поняли настоящую благую цѣль его,— будетъ со временемъ составляться болѣе и болѣе добропорядочныхъ людей, имѣющихъ охоту къ заня-

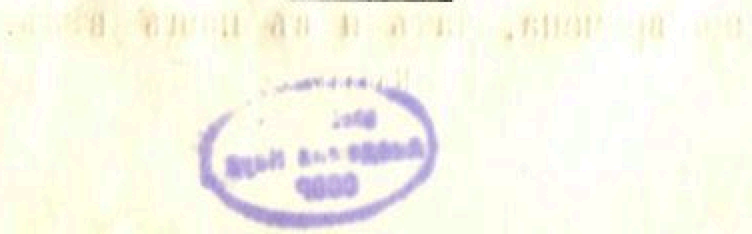
тію настоящимъ дѣломъ; которые, почувствовавъ сами, какъ утѣшительно доставать себѣ хлѣбъ собственными трудами, не подвергнутся—въ случаѣ нужды—какому нибудь непозволительному средству, унизительному уже, для благовоспитаннаго человѣка. Въ душахъ ихъ поселится страхъ Божій, удерживающій отъ всего дурнаго и направляющій на все доброе; а также и свѣдѣнія, сообщенныя имъ, не допустятъ ихъ до пагубной лѣни и праздности—этихъ губительницъ всего хорошаго. Отъ этихъ дѣтей будутъ другія дѣти, и такъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, будетъ переходить полученное ими воспитаніе и, какъ непрерывная цѣпь благодѣяній, переходя изъ кольца въ кольцо, будетъ продолжаться не одинъ, какой нибудь

годъ, а многіе послѣдующіе вѣка, переходя отъ потомковъ къ потомкамъ. Начатое теперь благодѣяніе Олимпіады Алексѣевны, отразится въ душахъ людей и тогда, когда уже не только насъ современниковъ, но и племени нашего на землѣ не будетъ.

Вотъ, друзья мои, что можно безъ всякаго сомнѣнія назвать продолжительнымъ благодѣяніемъ и настоящей пользой для нашихъ ближнихъ. И вотъ вамъ ясный, недавно совершившійся примѣръ того, что непрерывная цѣпь благодѣяній возможна даже и въ здѣшнемъ скоропреходящемъ мірѣ, и что *неистощимый кошелекъ* принадлежитъ каждому изъ насъ въ маломъ, или большомъ размѣрѣ.

Когда пришло назначенное воскресенье, мать и дѣти принесли свои сочиненія; каждый самъ читалъ его вслухъ прочимъ, чтобы представить на общее сужденіе. Это доставило пріятное занятіе нашей милой семьѣ, въ продолженіе нѣскольких вечеровъ.

Всѣ мнѣнія, начиная съ меньшаго, были достойны одобренія, всѣ близко подходили къ правдѣ; но, разумѣется, разсужденія матери, на этотъ счетъ, были выше и сильнѣе прочихъ, потому что она описывала пользу не одного, или нѣскольких лицъ, а цѣлаго поколѣнія. Всѣ наши сочинители удостоились похвалы, доказавъ, что *неистощимый кошелекъ*, можетъ быть не въ одной сказкѣ, но и на самомъ дѣлѣ, какъ въ прежнія времена, такъ и въ нашъ вѣкъ.

Конецъ.

